

УДК 070

«СЕТЬ» И ЯЗЫК

Савченко Л.Р.

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, г. Харьков

В статье рассматриваются некоторые особенности бытования языка в Интернете, обусловленные парадоксальной природой русской культуры. Сравниваются противоположные по творческим интенциям феномены игровой природы, как-то: «язык падонкофф» и словообразующая, когнитивная деятельность участников проекта М. Эпштейна «Дар слова». Ставятся актуальные вопросы, связанные с перспективами исследования когнитивных особенностей украинского языка.

Ключевые слова: Интернет, язык, дискурс, провокативность, проективность

Постановка проблемы. Ничто так не испытывает язык, как время. Оно же в категориях современности выявляет особенности той жизненной формы существования языка, которую мы определяем в качестве дискурса. В дискурсивных формах языка особой значимостью наделяется новая сфера его бытования – Интернет. Всемирная паутина – знамение не только нового времени, но и нового глобального общества, провозгласившего в качестве своей главной ценности информацию. В Интернете современный мир предстает как мир размыкающихся границ и постоянно расширяющейся протяженности пространств. Этнические, культурные и языковые пространства все более пронизывают друг друга, а Всемирная паутина и тот дискурс, который связан с ней, представляют собой диффузное и неоднородное информационное пространство.

В этом информационном пространстве по-разному реализуют себя разные языки и разные культуры. Английский язык используется здесь повсеместно: это язык компьютерных программ, международных сайтов и международной переписки. Русский язык связан со сферой Рунета, на котором размещено достаточно большое количество специализированных филологических веб-ресурсов. К числу таких ресурсов принадлежат интернет-библиотеки, онлайн-словари и энциклопедии, научные проекты, учебно-методические сайты, специализированные форумы, персональные странички лингвистов и т. п. Украинский же язык делает только первые шаги в новой для себя роли рабочего языка Интернета, а его филологические веб-ресурсы более чем скромны. Все это ставит перед разработчиками украинского сегмента Интернета поистине грандиозные задачи.

Дискурс, связанный с этим многомерным гипертекстовым пространством, определяется как виртуальный и реализуется во временных константах актуального настоящего. Именно в этом времени в Интернете встречаются не только тексты и люди, но и сталкиваются некие тенденции, которые наиболее ярко проявляются на пиках тех или иных культурных или социальных состояний. Цель данного сообщения состоит в том, чтобы показать, как в интернет-пространстве проявляются парадоксальные особенности русской культуры и как они связаны с состояниями русского языка, которые во многом обусловлены новой сферой его бытования. Осмысление этих особенностей актуально для осознания тех задач, которые стоят перед украинским языком в новой для него роли. Что касается особенностей русской культуры, о которых уже шла речь, то они проявляются в провокативности, с одной стороны, и своеобразии творческих интенций ее творцов – с другой.

Провокативность русской культуры можно определить как установку ее субъектов на изменение существующих иерархий, на пересмотр эстетических оснований культуры, как стремление к сдвигам в соотношении центра и периферии, что приводит к актуализации тех или иных маргинальных явлений. Реализация творческого потенциала культуры предстает как способность русского дискурса творить «возможные миры», игнорируя при этом их вероятностный характер. «Возможные миры» в такой установке подменяют реальность, а слово наделяется магической функцией.

Характер творческих интенций русской культуры в Интернете варьируется, проявляя ее проективность. Последнее свойство связано со стремлением субъектов культуры к инновациям определенного рода, которые восполняют не реализованные ранее возможности культуры. Эти возможности русской, как и иной другой культуры, обусловлены ее бытийной связью со сферой универсального. В отношении к русскому языку в Интернете проявляются как провокативные, так и проективные тенденции, что позволяет в целях эвристичных задач сопоставить, казалось бы, несопоставимые явления – язык «падонков» и уникальную программу «Дар слова», которую уже много лет осуществляет М. Эпштейн [1]. То, что оба этих проекта появились в Интернете в одно и то же время и продолжают там свою жизнь, является дополнительным основанием для их сопоставления.

Новый стиль общения, установившийся на определенных сайтах Рунета, известный как «язык падонков/падонкофф», или «албанский» язык, имеет явно провокативный характер. Будучи особым стилем общения и особым жаргоном, «язык падонков» возник как пародия на безграмотное поведение многих пользователей Интернета. Главной особенностью этого жаргона является эрратив – такую научную номинацию предложил лингвист Г. Гуссейнов для обозначения транскрибированного письма, лежащего в основе этого стиля [2]. Семиотически этот стиль позволяет создавать «видеограммы» звуковых образов слов, что наделяет письменную форму языка пользователей Интернета своеобразной иконичностью. В рамках этого стиля сняты ограничения на использование нецензурной лексики, широко используются английские слова и сленговые выражения.

Устраняя морфологический принцип письма, который лежит в основе русской орфографии, «падонки» не только ликвидируют все орфографические нормы, но и вводят в речевой регистр особое напряжение, «отстраняя» факт самого нарушения. Именно это «отстранение» является основным эффектом той «языковой игры», в которую включается все большее количество пользователей Интернета. Ср. заимствованный из паутины пример: (запись на форуме) – "В чем фишка новоалбанского? Легко! Две т очки зрения: «1. Пешу па наваалбански пат амучт а йа падонак... (Подонок ибо мозга нет)»; 2. Пишу по новоалбански ибо прет . (Я) В конце концов, эт о прикольно и в некот орых случаях облегчает написание. Блин, и для ст илист ики т ект а я его использую». В этом примере отражены все модальности, связанные с новым стилем: социально-ролевая (пат амучт а йа падонак), энергийно-порождающая (ибо прет), коммуникативно-прагматическая (эт о прикольно и в некот орых случаях облегчает написание) и орнаментально-риторическая (Блин, и для ст илист ики т ект а).

Истоки «языка падонков» связывают с именем Д. Галковского, русского постмодерниста, который, как известно, провозгласил провокативность одним из свойств русского языка, что проявляется в склонности к глумлению, издевательству, юродству [3, с.32]. В [4, с.75] отмечалось, что свойства, приписываемые Д. Галковским русскому языку, вряд ли являются свойствами собственно языка. Глумятся, издеваются, юродствуют не языки, а люди, причем русские люди, которые наделяют такое поведение особой значимостью. Эта значимость состоит в неявной отсылке к тем или иным ценностям.

Пародируемая в «языке падонков» ситуация, в которой лишенный культурной ответственности человек выходит на границы нормы, всегда имеющей характер социального договора, драматизируется. Утрата различия между устной (звучащей) и письменной формой речи приводит человека к ограничению пространства «выбора», а выбор – акт индивидуальный и ответственный. Отсутствие же личной ответственности за сохранность культуры превращает человека в представителя обезличенной массы. С другой стороны, нарушение нормы, введенное в игровую стратегию, требует от участника игры определенного напряжения, в котором он осознанно выходит за пределы нормы, совершая при этом акт личного выбора, что неизбежно предполагает и личную ответственность. В результате в пространстве коммуникации сталкиваются две функции языка (коммуникативная и эстетическая), в норме культуры связанные с разными пространствами, которые в Интернете принципиально разомкнуты. Разомкнутость и принципиальная открытость этих пространств лишает какую-либо пародийную установку элитарности, того свойства, которое, по мнению некоторых, исследователей имеет Интернет-дискурс. Элитарная по эвристическим задачам пародия на массовое явление в какой-то момент становится неотличимой от оригинала, поскольку массовый пользователь подхватывает и тиражирует ее как «моду» на нарушение нормы. Но мода, как известно, предполагает элемент новизны, а «орфографическая ошибка» стара, как мир. Тем самым игра, в которую включается пользователь Интернета, является не игрой языка и игрой по правилам языка, а игрой в жизнь. Элитарные в своих

истоках установки этой игры модифицируются в новые субкультурные конвенции. Сами же игры, как и связанные с ними субкультуры, становятся феноменами массовой культуры и массового сознания.

Известно, что пародия жива лишь тогда, когда в сознании воспринимающих жив и наделен значимостью ее образец. Именно поэтому можно утверждать, что «язык падонков», эпатирующий и шокирующий культурную публику, декларирует значимость языка как такового и норм его представления, а также выявляет обеспокоенность культурной части языкового сообщества их повсеместным нарушением. В то же время эпатаж, агрессивный по своей природе, порождает столь же агрессивное его неприятие, к тому же интеллектуальное усилие и своеобразная творческая установка, связанные с появлением подобного стиля, затухают в формирующемся жаргоне, который становится языком «своих» и для «своих».

Иную возможность развития языка встречаем в уникальном проекте М. Эпштейна «Дар слова». Разрабатывая идею проективности как важнейшего свойства языковой системы, известный философ и идеолог культуры XXI века ставит перед сообществом единомышленников грандиозную задачу – восполнить те участки системы русского языка, которые не получили в его истории должного развития [5]. По своей сути «Дар слова» представляет собой программу создания новых слов и новых смыслов на основе системно заданных продуктивных моделей. Реализация этой программы разрушает сложившиеся представления о языковой картине мира, предопределяющей и отражающей особенности национального менталитета, или когнитивного стиля языка. В еженедельных выпусках «проекта» М. Эпштейна нетрудно найти эффектные примеры деятельной энергетике воображения, преобразующей язык. Тем не менее приведем собственный пример, который позволит показать «Дар слова» в реальном действии.

На местном телевидении есть философская программа «Чайная церемония». Восточное название этой программы актуализирует значимость двух планов «чайной церемонии» – приготовления и питья чая, с одной стороны, и глубокомысленной беседы в процессе всего этого – с другой. Как правило, участники программы много говорят, но чай пить забывают. Случайно ли это? И можно ли заменить несколько претенциозное название русским эквивалентом? Две производящие основы русского слова чаепитие – чай и пи-(ть) – смыслов беседы не предполагают. Есть еще слово чаевничать, которое входит в словообразовательную парадигму – повесничать, развратничать, умничать, озорничать, сплетничать, ерничать. В этом ряду человек «чаевничающий» предается занятию, которое вряд ли выглядит серьезным. Что до беседы и полновесного слова, то в русском языке есть пустословие и пустословы, как и пустомели, пустозвонки и пустобрехи, словоломы (у Даля), но нет полнословов и полнословия, точнословов и точнословия, добрословов и добрословия, умнословов и умнословия, любословов и любословия (этот ряд может быть продолжен). Наряду с этим есть злословие, суесловие, славословие, празднословие, сквернословие. Есть еще, правда, и острословие, но массовое сознание предпочитает его эстрадный вариант, в целом относясь к острословам

несколько настороженно. Красноречие, которое положительно оценивает речь, задает ее эстетическое измерение. Как известно, красная речь – красивая, но этого в русском восприятии явно недостаточно, поэтому слово красноречие связано уже с ироничной оценкой соответствующего феномена.

Налицо определенная асимметрия семантического поля речи: оценивается и номинативно осмысляется речь бессодержательная или эстетически привлекательная, но не ясная и семантически емкая речь. Образовать слово, объединяющее в своем значении смысл расчлененной (и не русской по происхождению) номинации «чайная церемония», не удастся: нет продуктивной модели, оправдывающей экспериментальное слово «чаемыслие». А вот дополнить этот семантический ряд можно, ведь каждое из отсутствующих слов, которые были представлены выше, не противоречит системе языка, оно же ею и проектируется. В противном случае из поля зрения русской языковой личности уходит речь, наполненная смыслом, что само по себе выглядит парадоксальным. Но, может быть, в этом и проявляются свойства русского языка, о которых так пишет М. Эпштейн: «Русский язык уклоняется от прямого утверждения или описания фактов, куролесит, колобродит, несет околесицу. Это язык кривых пространных, язык не Евклида, а Лобачевского, язык отступлений, а не сухого и точного пересказа. Русский может далеко завестись – и незаметно привести обратно, в нем много круговых петель. Все его семантические поля и ореолы чрезвычайно размыты, и порой для того, чтобы понять, что имел в виду русский мыслитель, нужно заглянуть в английский перевод, сделанный хорошим специалистом» [6]. Как бы там ни было, но именно так, проективно ориентируясь на продуктивные языковые модели, творческая языковая личность реализует свой проект «критики языка». За этой «критикой» стоит любовное и деятельное отношение к языку, языковое строительство, призванное восполнить русский лексикон, который в трезвом сопоставлении с английским языком оказывается довольно бедным. Сопоставление разных языков и разных культур в такой установке становится не только фактуально-констатирующим: высвечивая различия, оно выявляет и потенциальные возможности языков.

В свое время А. Вежицкая, сравнивая русский язык с языками романогерманской группы, обратила внимание на особую роль безличности в русском языке. Это позволило проследить, как реализуются в языках два разных модуса говорения о людях, которые предстают в речи как «деятели» или «пассивные экспериментеры» [7, с.47] (для обозначения последних у М. Эпштейна есть более вразумительные русские слова – ощущение / ощущение). В европейских языках оба этих модуса играют одинаково важную роль. Но в сравнении с другими славянскими и европейскими языками этот пассивно-«ощущенческий» модус, по мнению Вежицкой, имеет в русском языке более широкую сферу применимости. Такова констатация. Она же позволяет А. Вежицкой определить равную значимость для русского языка и русской культуры таких семантических признаков, как эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали, которые определяют, по ее мнению, специфику русского самосознания [там же,

с.33-46]. В отношении к этой особенности М. Эпштейн реализует иную возможность.

Так, анализируя соотносительность переходных и непереходных русских глаголов, он констатирует в русском языке явную количественную и семантическую недостаточность выражения переходности и предлагает восполнить этот «пробел» [8]. В логике такого подхода вполне возможными оказываются высказывания типа: «Улыбайте Ваши лица или «Нужно разбежаться народ в будущее». В этой же логике наряду с нормативным сомневаться появляется проективный переходный глагол сомневаться (кого?), очнуться соотносится с очнуть (кого?) (если сравнить известное – Ущипни меня! – в контрасте с «забыться и уснуть», то это выражение не так уж странно), аналогично соотносятся облениться и обленить (кого?). Подобные инновации позволяют, по мнению автора, изменить мышление, внести динамику в выражение субъектно-объектных отношений, фиксируемых языком [там же].

Этот отдельный пример не может отразить грандиозности замысла и содержательной реализации проекта в целом, но он показывает, как в пространстве Интернета могут решаться культурно-созидательные задачи национального масштаба. Диалогизм творческой установки и универсальность задачи, решаемой в этом проекте, позволяют по-иному посмотреть на антропологизм современной лингвистической парадигмы. Методологическая установка, расширяющая предмет филологии, предстает здесь как деятельность особого рода, которая не сводится к решению сугубо аналитических или синтетических мыслительных задач, но предполагает активное участие носителей языка в развитии возможностей выражения мысли. Такие задачи сегодня стоят и перед украинскими лингвистами, которые наряду с очень важной лексикографической работой задумываются над теми особенностями украинского языка, которые отличают его от русского.

В качестве проективных выводов из представленных выше рассуждений можно сформулировать ряд вопросов, ответы на которые призваны восполнить представления об украинском когнитивном стиле и украинской языковой личности. Назовем некоторые из них.

Не является ли ограничение на использования в украинской словесности активных причастий настоящего и прошедшего времени и рекомендация замены их придаточными предложениями, проявлением «позитивного и динамического» [10, с. 295] характера украинского языка? Не противится ли украинский глагольно-деятельный способ организации высказывания семантическим сверткам, поощряемым в русском языке в формах причастий и деепричастий? Не ограничивает ли эта особенность в целом образование в украинском языке отглагольных существительных, сворачивающих позицию деятеля, но позволяющих разрабатывать обширное поле отвлеченных значений? В какой мере синтаксический рисунок украинской фразы, противящийся нанизыванию придаточных предложений, согласуется с этой же особенностью? Насколько обусловлен свойствами украинского языка явный приоритет лирических словесных жанров в украинской словесности и устойчивая орнаментальность

украинской риторики? Каковы модусы украинского мироощущения, реализуемые в языковой и поэтической метафоре, и как они соотносятся с метонимическими тенденциями в украинских фамилиях и – шире – в украинской ономастике? Какой лингвистический смысл можно вложить в политический лозунг «Думай по-українски!»? Почему в украинском политическом дискурсе Украина чаще всего определяется негативно (ср. название книги бывшего президента Украины «Украина – не Россия»? Что мешает определить специфику «украинскости» позитивно, если украинский язык имеет «позитивно-динамический» характер? Не способствует ли такой способ определения (апофатический по сути) мифологизации национального самосознания, и не препятствует ли это его философскому «выговариванию»? Не стоит ли за философским «пробелом» эмпиризм украинского сознания, которое органично преобразует отвлеченные смыслы в образные ряды поэтического дискурса?

Эти и другие вопросы ждут своего разрешения, стимулируя не только охранительно-культурное отношение к языку, но и культурно-созидающее. Постановка подобных вопросов и их разрешение требуют консолидированного участия разных субъектов, возможность чего и обеспечивает Интернет. Именно здесь открывается новая сфера деятельности, которая может быть реализована в научной теории и филологической практике всеми, кто любит свой язык

Список литературы

1. Вежицка А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996
2. Гусейнов Г. «Берлога веблога». Введение в эрратическую семантику // Говорим по-русски. эл. ресурс: http://www.speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm
3. Луценко М.О. О «новой» украинской школе философии языка, или новом русском реализме // Философия языка: в границах и вне границ. Межднар. серия. Мнография 3-4. – Харьков, 1999
4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. – М., 2000.
5. Савченко Л.Р. Стеб как дискурсивный феномен массовой коммуникации// Вісник Харківського університету. Сер. Філологія. Філологічні аспекти дослідження дискурса. 2001. – Вип. 33, № 520. – С. 73-79
6. Эпштейн М. Дар слова. Проективный словарь русского языка. Эл. ресурс: http://old.russ.ru/krug/20021104_slovo.html
7. Эпштейн М. Мыслить по-русски: взгляд из-за рубежа // Дар слова. – 207 (277). Проективный лексикон русского языка. – Эл. ресурс: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar0.html>
8. Эпштейн М. Русский язык: система и свобода// Дар слова. – 202 (271); 203(272). Проективный лексикон русского языка. – Эл. ресурс: <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar0.html>
9. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // «Знамя». – 2007. – №3.

Савченко Л.Р. «Мережа» та Мова

У статті розглядаються деякі особливості існування мови в Інтернеті, що пов'язані з проявами парадоксальної природи російської культури. Порівнюються протилежні за творчими інтенціями феномени гральної природи: «мова падонкофф» та смислотворча й словотворча діяльність учасників проекту М. Епштейна «Дар слова». Ставляться актуальні питання, що пов'язані з перспективами дослідження когнітивних особливостей української мови.

Ключові слова: Інтернет, мова, дискурс, провокативність, проєктивність

Savchenko L.R. Net and Language

The article approaches some specific features of the language existence on the Internet. The features result from the paradoxical nature of the Russian culture. The opposite game nature phenomena of the “yazyk padonkaff” and the word-forming, cognitive activities of the participants in Mikhail Epstein’s project “A Gift of a Word” are compared with their opposition in terms of creative intentions taken into consideration. The article poses topical questions related to the research perspectives of cognitive traits in the Ukrainian language.

Key words: Internet, language, discourse, provocativity, projectivity

Пост упила в редакцію 04.09.2008 г.